

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

№ 2

МОСКВА
КРЕМЛЬ.

ПЕТРОГРАД
СМОЛЬНЫЙ.

1ое
ИЮНЯ
1919г.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

ОРГАН ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

ВЫХОДИТ ОДНОВРЕМЕННО НА РУССКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ, НЕМЕЦКОМ и АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

№ 2

1 ИЮНЯ 1919 Г.

КОНТОРА ИЗДАТЕЛЬСТВА: ПЕТРОГРАД, СМОЛЬНЫЙ, КОМН. 32-33. Тел. 161-20. РЕДАКЦИЯ: ПЕТРОГРАД, СМОЛЬНЫЙ, КАБ. Г. ЗИНОВЬЕВА.

награждения прежних владельцев. Землевладение, превосходящее по размерам участок, обрабатываемый крестьянином и его семьей, было отнято у владельцев без какого-либо вознаграждения и передано для обработки безземельным сельским рабочим. Земля является государственной собственностью, рабочие, объединенные в товарищества, являются наемными рабочими государства. Обработка больших имений производится под надзором и руководством опытных государственных агрономов; раздел земли вообще не имеет места. Все дома, не приобретенные и не построенные пролетариями, также перешли в собственность государства без всякого вознаграждения домо-владельцев.

Урегулирование хозяйства быстро подвигается вперед. В настоящий момент организуется центральное учреждение, ведающее сырьем и полуфабрикатами. Все производство важнейших отраслей промышленности, как уголь, лес, железо, сахар, машины и пр., объединяется в одном государственном центральном ведомстве; данные о производительности всех предприятий еженедельно сообщаются этому ведомству. Все данные о производстве сосредоточены в этом центральном ведомстве. Высший Совет решает принципиальные вопросы распределения и дальнейшей переработки. Кроме того, было соз-

дано ведомство внешней торговли, где сосредоточен контроль над всей внешней торговлей и регулирование ввоза и вывоза.

Из сказанного видно, что созидательная работа в Венгрии шла гораздо быстрее, чем в России. Это объясняется тем обстоятельством, что в Венгрии в течение месяца не было контр-революционного движения и внешней войны, что страна не велика и что поэтому наладить работу в ней было гораздо легче, чем в обширном государстве. Наконец, нам до сих пор не приходилось иметь дела с саботажем интеллигенции. Напротив, инженеры, химики, государственные и частные служащие до сих пор предпочитают себя целиком в распоряжение правительства.

Нападение румынских бояр, разумеется, серьезно нарушает эту спокойную работу. Для успешного сопротивления пришлось прервать нормальную работу и направить всю силу пролетариата на защиту страны. Мы надеемся, что нам удастся отразить злодейское нападение и что мы вскоре будем в состоянии довести до успешного конца начатую работу.

Евгений ВАРГА,

Народный Комиссар социалистического производства Венгерской Советской Республики.

В ЗАЩИТУ РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ.

„Страничка воспоминаний“, написанная товарищем Луизой Каутской „в память Розы Люксембург“ (в № 26 газеты Freiheit от 20 янв.) должна вызвать самый решительный протест со стороны всех, кто действительно знал великую душу предательски убитой. Признаюсь, мне лично далеко не по сердцу всякие препирательства по поводу покойника еще, можно сказать, у открытой могилы. Но интересы истины и дружба вынуждают меня протестовать против некоторых взглядов, высказанных Луизой Каутской. Да и не только по отношению к мертвым, но и к живым я считаю своим долгом противодействовать тому, чтобы созданная и распространяемая многочисленными противниками Розы Люксембург карикатура на эту ярко выраженную индивидуальность, стала еще более грубой и уродливой, благодаря неудачным штрихам, прибавленным рукой друга.

Права Луиза Каутская, когда пишет о Розе Люксембург, как о борце: „Она, не щадя даже своих лучших старых друзей — напротив“... Но в качестве друга, претендующего на полное понимание покойной, товарищу Каутской следовало бы отметить, рядом с этой, и некоторые другие черты. С каким, например, долготерпением, с какой деликатной осторожностью именно Роза Люксембург старалась личным влиянием и убеждением подействовать на своих старейших друзей, прежде чем решалась выступить против них публично. Как она страдала, когда ей приходилось поднимать оружие против прежнего союзника, как горько было ее разочарование, когда по тем приемам борьбы, которые пускались противником в ход,

она убеждалась, что он, как человек, не стоял на той высоте, на какой раньше представлялся ей. Правда, Роза Люксембург не щадя и самого старого друга, если, по ее искреннему убеждению, он оказывался опасным или вредным для классово-борьбы пролетариата. Для нее дело всегда было важнее, чем лицо. И раз она принимала решение вступить в борьбу даже с старейшим своим другом, она пускала в ход все имевшееся в ее распоряжении оружие: тяжелую артиллерию серьезных научных знаний и основательной теоретической подготовки, могучий меч блестящей диалектики, изящную рапиру иронии, остроумия, насмешки. Но никогда не пользовалась она не рыцарским оружием. Роза Люксембург была глубоко-аристократической натурой, неспособной платить той-же монетой и прибегать к оружию низости, даже если оно пускалось в ход против нее самой.

И потому неправа Луиза Каутская, когда характеризует приемы борьбы, применявшиеся Розой Люксембург, следующим образом: „К сожалению, она действовала в таких случаях по образцу Ленина, которому она поклонялась и который, будучи однажды привлечен к товарищескому суду за оклеветание некоторых членов партии, заявил: „С политическим противником, в особенности, если он принадлежит к нашему-же (социалистическому) лагерю, надо бороться отравленным оружием, стараясь возбуждать против него самые худшие подозрения“... Кстати сказать—я сильно сомневаюсь, можно ли действительно пользоваться этим заявлением для характеристики великого

большевистского вождя. Я знаю из истории русской революции и по собственному опыту, каким неутомимым и опасным противником является товарищ Ленин. Но я никогда не замечала, чтобы в арсенале его оружия имелась и клевета. Прежде, чем решиться признать доказательную силу за вышеприведенным, яко-бы подлинным, ответом Ленина, я должна была-бы точно выяснить, при каких условиях и в связи с чем он был высказан.

По моему разумению, Луизе Каутской следовало-бы быть осторожной, и в своей „Страничке воспоминаний“ не переходить под конец из области личных отношений на политическую почву, отмечая какую-то представляющуюся ей непонятной перемену во взглядах и поведении Розы Люксембург. Я отношусь с полным уважением и сочувствием к тому, что Луиза Каутская старается делать для социализма в своем кругу и сообразно своей натуре. Я ничуть не оспариваю у нее права иметь свое собственное суждение о событиях и явлениях в лагере интернационального социализма. Но все это не устраняет того факта, что в борьбе за социализм она является только непосредственно посредствующей в этой борьбе, а не непосредственно участвующей в ней. Благодаря этому, при всем ее стремлении к объективности, у нее нет правильного и самостоятельного отношения к этим явлениям. Она рассматривает их с точки зрения своей среды, с точки зрения вдумчивой женщины, живо интересующейся борьбой мужчины, но лично стоящей вне этой борьбы. Роза же Люксембург сражалась под самым густым градом пуль или же следила за борьбой с высоты ею самой воздвигнутой сторожевой башни.

После этого нечего собственно удивляться, что в то время, как одна, пылливо и осторожно все взвешивая, старалась только выяснить историческую роль русской революции, другая самоуверенно и с заранее готовым приговором творит суд над „большевистской ересью“ и находит „совершенно непонятным, каким образом это лжеучение могло до такой степени ослепить и увлечь столь светлый ум... что Роза хотела повторить в Германии неудавшиеся русские эксперименты“. Я могла-бы оставить без возражений этот уничтожающий приговор над русской революцией, в полной уверенности, что „неудавшиеся русские эксперименты“ будут оказывать свое творческое влияние на ход истории еще и тогда, когда мыши давно уже перестанут портить себе желудок всем тем, что было написано против этих опытов социал-демократическими соглашателями. В позиции, которую Роза Люксембург заняла по отношению к ноябрьской революции в России и к социалистической советской республике, не было ничего неясного или двойственного. О ней нельзя судить по случайным замечаниям о лицах и событиях, таким замечаниям, которые высказываются людьми с темпераментом и тонкой повышенной нервной чувствительностью под влиянием событий дня и преходящих явлений. Роза Люксембург высоко ценила „большевизм“ в

его целом — для краткости мы пользуемся термином, который является пугалом для немецкой буржуазии — высоко ценила его выдающееся историческое значение и критиковала те частности большевистской тактики, которые, по ее мнению, нуждались в критике. Ее политический смысл и человеческий такт запрещали ей действовать так, как, по видимому, требовалось, по мнению Луизы Каутской, с точки зрения последовательности политических выступлений, а именно: возобновлять старые распри и снова вытаскивать на свет старые приговоры как раз в такой момент, когда ищущие и агенты Эберта и Носке, натравленные на Радека, следовали за ним по пятам.

У меня нет никакой охоты въ рамках этих заметок объясняться именно с Луизой Каутской, каковы в сущности те „большевистские методы“, которые Роза „не только одобряла, но к сожалению начала применять и на практике“. Скажу лишь одно: что эти „методы“ далеко не соответствуют тем изображениям их, какие распространяются в интересах неустойчивой в своих принципах и трусливой политики вождей правого крыла U. S. P. (независимой социалистической партии), и в которых они мало чем разнятся от того пугала „большевизма“ и „спартакизма“, которым страшат мир правительственные социалисты. Но оставим в стороне эти „большевистские методы“. Объяснять этим модным словечком подавление январьского восстания в Германии так же нелепо, как если-бы причину провала Парижской Коммуны усмотрели в том, что последняя предвосхитила „большевистскую ересь“ и ее „методы“. Роза Люксембург позаимствовала отгаиваемую ею боевую тактику не из русской практики. Эта тактика является плодом глубокого анализа и всестороннего освещения сущности интернационализма и его развития. Для Германии в основу ее были положены германские политические условия, — само собою, не те, которые были господствующими в завершившийся уже период медленной эволюции, а то положение вещей, которое создалось в бурный период революции, начавшийся у нас вместе с возникновением и развитием империализма.

Пусть мой друг Луиза Каутская не пеняет на меня, если я выскажу то, что думаю: „Страничка воспоминаний“ начата благодарным другом Розы Люксембург, но закончена супругой Карла Каутского. Сама Роза Люксембург была-бы последней, которая стала-бы упрекать ее за это. Именно из сознания собственной духовной свободы выросла ее терпимость к внутренней связанности и зависимости других. Не Луизе Каутской с покровительственной миной творить суд и изрекать приговор над „ослеплением“ и „большевистскими методами“ Розы Люксембург. Эта роль судьи принадлежит лишь истории. И мы, с гордостью знающие себя друзьями и соратниками Розы Люксембург, спокойно ждем ее приговора.

Клара ЦЕТКИНА.

(Германия).

